

Новые стихи.

Клавдия СМИРЯГИНА-ДМИТРИЕВА

ЗИМНЕЕ СОЛНЦЕСТОЯНИЕ

□ □ □ □ □

ЛИЦЕИСТЫ

В саду лица пахнут табаком,
осенним холодком и лёгким тленом.
Мальчишки курят за углом тайком,
пока идёт большая перемена.

Поёживаясь, втягивают дым
и сплёвывают матерное слово.
По их затылкам стриженным худым
за ворота стекает свет лиловый.

Когда бы знать, когда бы только знать,
что с ними может завтра приключиться,
кому писать на зону будет мать,
кого убьют в дозоре на границе.

Соломки бы под ноги бросить им,
нескладным долговязым лицеистам.
В саду бесследно тает горький дым,
звенит звонок залиvisto и чисто.

Зовёт читать про «ваш отраднй глас»
и про души прекрасные порывы.
На полке за стеклом – противогаз.
На стенке – Пушкин, грустный и красивый.

ДОМ НАПРОТИВ

К дому напротив проложен кошачий след,
дремлет сугроб, подпирая калитку боком.
Кажется днём, будто в доме хозяев нет,
только вороны кричат на дубу высоком.

Но вечерее, и теплится свет в окне,
вьётся дымок из трубы (холодает к ночи).
В доме у печки, как точно известно мне,
тётка Глафира и кот Обормот хлопочут.

Глаша картохи отварит, а для кота
есть в морозилке минтая запас немалый.
Тётка Глафира не та уж теперь, не та,

тётку Глафиру хорошая жизнь достала.

В ящике – воры да девки-тугой живот,
страхов три короба да президент-надёжа.
Глаша крепится-крепится, а всё ж плеснёт
в стопочку первачка. Свой первач, хороший.

Много ли надо старухе? Зато проспать
можно потом весь день, ни о чём не зная.
Снятся Глафире часто отец да мать,
рядом она – красивая, молодая.

Я к ней иду по снегу, стучу в окно,
будем чаёвничать с тортиком из продмага,
сон мне расскажет и то, как давным-давно
ей почтальон о сыне принёс бумагу.

—Сгинул сынок-то, как там его, Афган,
будь он неладен, что за земля такая...
Спит Обормот, завесив хвостом экран,
бабкины ходики тикают, не смолкая.

Снег до рассвета мои заметёт следы,
Глаше на почту за пенсией только в среду.
Нет у неё сегодня больней беды
той, что я в город опять до весны уеду...

ЗИМНЕЕ СОЛНЦЕСТОЯНИЕ

Как туша медведицы, долгая ночь
подмяла подавленный город.
Терпеть её хрипы и вздохи невмочь,
а утро наступит не скоро.
Шевелится тень занавески в углу,
и тихою-тихою сапой,
почуяв тепло, подползает к стеклу
еловая хищная лапа.
Что срубленной ели осталось терять,
ей тошно во тьме законной.
Скребутся иголки опять и опять
о белые двери балкона.
Войдет, долгим телом своим смоляным
заполнит жилище пустое.
И следом потянется иней и дым,
и призрачный хруст сухостоя.
Под сенью одной из колючих ветвей

пристроившись девочкой ватной,
не бойся бояться, проси и желей,
и ты возвратишься обратно.
Туда, где спелёната ель за окном,
где день прирастать начинает...
И жизнь зарождается в чреве земном
иная, иная, иная...

